

—

Выражение лица Лу Синцзя было слишком очевидным, эмоции были написаны на его лице, было ясно, что он только что что-то услышал.

Цинь Мудун с холодным лицом хотел сказать, что это его личное дело, что он не хочет об этом говорить с другими, что он давно уже не обращает внимания на отношение этих двух людей. Но глядя в влажные глаза юноши, все слова застряли в горле, и он вдруг ничего не мог произнести.

Мгновение спустя он тихо сказал: «Хорошо».

На улице уже стемнело, прозвенел звонок на вечернюю самоподготовку. Два юноши в темноте направились к школьному садику, один из них, высокий, нёс в руке полиэтиленовый пакет.

На улице стемнело, и в маленькой роще не было света. Они шли один за другим, их одежда шуршала от постоянно выступающих веток деревьев. Вдали горели огни учебного корпуса. Они шли по тропинке в глубь сада.

Пройдя мимо леса, где кружились опавшие листья, и мимо спокойного искусственного озера, они наконец добрались до самой дальней части маленького сада, где находилась низкая задняя стена.

Ночью было тихо, это был мир животных. Едва они подошли к низкой стене, как услышали дрожащее, с призывным мурлыканьем кошачье мяуканье.

Цинь Мудун подошёл к месту, где обычно кормил, и развернул пакет в руке.

Жареная куриная ножка, с которой сняли кожу, источала мясной аромат, а белый пар поднимался из отверстия в пакете.

Хромая маленькая кошка выбралась из низкого кустарника, мелькнув серой тенью в темноте, и послушно присела перед Цинь Мудуном, мяукая, её глаза особенно ярко светились в темноте.

Цинь Мудун умело разрывал куриную ножку на маленькие кусочки, как и многие разы до этого.

Во время пребывания в школе они часто вместе кормили кошку. Цинь Мудун кормил, а Лу Синцзя сидел рядом и наблюдал. Никто из них не разговаривал, но атмосфера была непринуждённой и расслабляющей.

Но сейчас Лу Синцзя немного нервничал.

После того как они покормили кошку, они вернулись к искусственному озеру и нашли скамейку, чтобы сесть.

Дизайн скамейки был довольно интересным: она была выполнена в виде повозки, с большими круглыми колёсами, наполовину вкопанными в землю, а сиденье было похоже на качели, закреплённые на повозке с помощью небольшого изящного устройства.

Вечерний осенний ветерок приносил пронизывающий холод, они сидели рядом, и сиденье слегка покачивалось.

Никто не начинал говорить первым, и время, казалось, замерло.

«Мяу~»

Мягкое кошачье мяуканье нарушило тишину ночи. Маленькая хромая кошка непонятно когда последовала за ними к озеру.

Сначала она крутилась вокруг их ног, затем царапала край скамейки, пытаясь запрыгнуть к ним, но, поскольку у неё была хромая задняя лапа, она несколько раз безуспешно пыталась запрыгнуть, а затем шлёпнулась на землю, сделав поборота.

Кошка за это время растолстела, стала круглой и выглядела особенно мило.

Цинь Мудун нагнулся и взял кошку на руки. Кошка послушно легла между ними, мурлыкая и спокойно прищурил глаза.

Лу Синцзя наконец решился: «Твои родители... всегда были такими?»

Даже в детстве Цинь Мудун редко говорил о своей семье.

Цинь Мудун почесал пушистую шерсть на макушке кошки и ответил: «М-м».

«Так ты сейчас живёшь один?»

«Они все снова женились, а я живу в старом доме семьи».

«Они никогда не приезжают к тебе?»

«Не хотят приезжать, да и незачем».

Что Лу Синцзя спрашивал, на то Цинь Мудун и отвечал.

В вопросах и ответах Лу Синцзя наконец узнал общую ситуацию семьи Цинь Мудуна.

Появление Цинь Мудуна на свет стало следствием ошибки, совершённой после пьянки. Два человека без каких-либо чувств друг к другу были вынуждены пожениться и родить ребёнка под давлением семьи.

Результат был очевиден: как только Цинь Мудун родился, его бросили бабушке, а родители никогда не возвращались домой и вскоре завели романы на стороне.

В детстве над Цинь Мудуном часто издевались, и он тайком плакал: почему у всех есть папа и мама, а у него только бабушка.

Бабушка говорил ему, что папа и мама испытывают его, и если он будет достаточно хорош, то сможет заставить этих двоих вернуться, чтобы они увидели его.

В двенадцать лет бабушка умер, родители Цинь Мудуна быстро развелись и снова женились. Его номинальная мать забрала его, а вскоре после этого отправила в школу-интернат.

Глаза Лу Синцзя покраснели, слёзы текли по щекам, голос стал сиплым, с сильным носовым оттенком: «Это их вина, а не твоя».

«М-м, я знаю».

Цинь Мудун, напротив, утешал Лу Синцзя, его голос был ровным.

Он очень рано понял, что некоторые люди от природы не достойны любви.

Не получив её, они не будут её жаждать. Ему тоже не нужна эта так называемая любовь, достаточно... его физики.

Его большая рука всё ещё лежала на спине кошки, лаская её мягкую и тёплую шерсть.

Кошка довольно мяукнула, а её хвост крутился вокруг пальцев Цинь Мудуна.

Лу Синцзя опустил голову, наблюдая за движениями человека и кошки, и тревожно вздохнул.

Хотя нынешний Цинь Мудун отстраняется от всех, его реакция, похоже, указывает на то, что он, похоже, принял этот мир, и он далёк от состояния тяжёлой депрессии, как в прошлой жизни. Должно быть, что-то ещё произошло потом, что заставило его полностью разочароваться в этом мире и замкнуться в себе.

Лу Синцзя специально искал информацию. Причиной депрессии могут быть серьёзные травматические события, но чаще всего это накопление множества, казалось бы, незначительных мелочей, которые становятся последней каплей.

И что же на самом деле произошло в средней школе? Лу Синцзя не верил, что Цинь Мудун ни с того ни с сего ударил бы своего друга.

Вокруг снова воцарилась тишина, слышался лишь слабый шум ветра и довольное мурлыканье кошки, что было так спокойно и прекрасно.

Лу Синцзя втайне принял решение: он должен сохранить это с трудом завоёванное спокойствие, и что бы ни случилось в будущем, он будет рядом с Цинь Мудуном, не оставляя его одного.

Вытерев слезы, Лу Синцзя постарался улыбнуться: «Всё в порядке, теперь у тебя есть я, мы всегда будем хорошими друзьями!»

Всё так же ярко и горячо.

Большая рука на кошке замерла.

Цинь Мудун опустил взгляд, избегая пылающего взгляда Лу Синцзя.

Это был не первый раз, когда Лу Синцзя говорил что-то подобное, но в эту звёздную осеннюю ночь, глядя в сияющие, как звёзды, глаза юноши, у Цинь Мудуна внезапно возникли некие безумные мысли.

Эксклюзивное владение.

Он должен владеть им единолично.

Чтобы в этих красивых глазах был только он.

Глубокая тьма в его глазах бурлила, и Цинь Мудун самоиронично усмехнулся.

Даже на мгновение его врождённое зло начало действовать, и ему захотелось узнать реакцию

Лу Синцзя, когда тот поймёт его чувства.

Испугается ли он и заплачет?

Будут ли эти красивые, сияющие глаза увлажнены слезами из-за него?

Пожалеет ли он, что связался с ним?

—

Вскоре прозвенел звонок об окончании первого урока вечерней самоподготовки. Они вернулись в учебный корпус. Едва они подошли к двери класса, как столкнулись с Цю Жуйфэном, который держал чашку и собирался набрать воды.

«Цзяцзя?!» — Цю Жуйфэн тут же нахмурился, оглядывая обоих, — «Куда вы делись на прошлом уроке?»

«Ну...» — Лу Синцзя на мгновение не знал, как объяснить.

«У вас хватило смелости прогулять вечернюю самоподготовку», — сказал Цю Жуйфэн, — «На прошлом уроке приходил Чу Гэ и заметил, что вас нет».

«Не может быть? Ты точно меня разыгрываешь!» — Лу Синцзя недоверчиво распахнул глаза, Цинь Мудун тоже нахмурился.

«Конечно, правда, если не веришь, спроси у Цзи Янжання, ему-то ты всегда веришь?» — Цю Жуйфэн недовольно хмыкнул, — «Чу Гэ просил вас зайти к нему в кабинет, когда вернётесь. А я как раз ломал голову, где вас искать».

«...»

Выражение лица Цю Жуйфэна было серьёзным, без всяких признаков обмана, и выражение лица Лу Синцзя постепенно поникло.

Чжан Чучу обычно редко приходил в класс в воскресенье вечером, поэтому он смело осмелился пропустить вечернюю самоподготовку, но оказалось, что он попал прямо под прицел.

«Ладно, ладно», — он вздохнул, — «Я сейчас же пойду».

Цю Жуйфэн похлопал его по плечу: «Держись, брат».

Прозвенел звонок на урок, и все в коридоре направились в класс. Они же пошли против потока людей и дошли до кабинета, расположенного в самом углу учебного корпуса.

«Извините, учитель Чжан на месте?»

Постучав в дверь, Лу Синцзя осторожно просунул половину головы.

Чжан Чучу сидел у двери, услышав его голос, тут же поднял голову: «Входите».

Лу Синцзя глубоко вздохнул, толкнул дверь кабинета, и они вдвоём встали рядом со столом Чжан Чучу.

Чжан Чучу повернул стул лицом к ним: «Знаете, почему я вас позвал?»

Лу Синцзя стыдливо опустил голову: «Знаем... Потому что мы не были на вечерней самоподготовке».

«Почему не были?» — спросил Чжан Чучу.

Лу Синцзя прикусил губу и объяснил: «Извините, учитель, я...»

«У меня было плохое настроение, и я заставил его пойти со мной».

Извинения ещё не были закончены, когда Цинь Мудун прервал его.

Лу Синцзя вздрогнул, поспешно махнул рукой: «Нет-нет, это я...»

«Простите, учитель», — Цинь Мудун снова прервал его, его голос был равнодушным, — «Это моя проблема, Лу Синцзя здесь ни при чём».

Чжан Чучу поднял глаза, осматривая их.

На лице Лу Синцзя было написано изумление, лицо Цинь Мудуна было холодным, спина очень прямой, он шагнул на полшага вперёд, словно намереваясь защищать человека до конца.

Вспомнив, что произошло днём, Чжан Чучу примерно догадался, в чём дело, и уже не мог их наказать.

Они оба были хорошими детьми: один был готов пропустить вечернюю самоподготовку, чтобы утешить друга, другой был готов взять всю ответственность на себя.

«...Учитывая, что это ваш первый проступок, на этот раз прощаю. В следующий раз, если снова прогуляете, придётся писать объяснительную и вызывать родителей».

Чжан Чучу угрожал на словах, но на самом деле просто пропустил эту тему. Он достал из ящика листок бумаги и протянул его Цинь Мудуну: «И ещё кое-что. Я знаю твою семейную ситуацию, я также доложил в школу, и школа относится с пониманием. Это информированное согласие можешь взять и найти кого-нибудь, чтобы подписать. Присутствие твоих родителей не требуется».

Цинь Мудун даже не поднял век, просто небрежно «угукнул».

Чжан Чучу уже давно привык к равнодушному отношению Цинь Мудуна, легко вздохнул и больше ничего не сказал.

Перерыв на вечерней самоподготовке был очень коротким, и едва они успели что-то сказать, как уже начался урок.

Следующим уроком была самоподготовка у Чжан Чучу, и все трое вернулись в класс.

Вернувшись на место, класс ещё не успокоился. Цинь Мудун махнул рукой, прямо расписался в графе для подписи родителя, а затем небрежно сунул бумагу в ящик, даже не взглянув на неё.

Очевидно, это было не в первый раз, движение было единым и плавным, настолько отточенным, что становилось больно на душе.

Почти все имитировали подпись родителей.

Когда они плохо сдавали или совершали что-то плохое, боясь, что родители узнают, они всегда небрежно подписывались, надеясь обмануть.

Они жаловались, что родители слишком много беспокоятся, но у Цинь Мудуна даже не было человека, который хотел бы о нём заботиться.

Внезапно Лу Синцзя пришла в голову сумасшедшая и смелая идея, и он тут же решил воплотить её в жизнь.

«Извините, учитель! Я хочу в туалет!»

Лу Синцзя резко встал и быстро выбежал из класса, его глухие шаги были отчётливо слышны в тихом коридоре.

Он бежал прямо до кабинета Чжан Чучу.

Учителя либо были на уроках, либо ушли домой, так что в кабинете никого не было.

Лу Синцзя рылся на полке с материалами, нашёл пустой бланк информированного согласия и, как сокровище, спрятал его под одеждой.

Возможно, в этом не было никакого практического смысла, он просто хотел сказать Цинь Мудуну, что он не один.

—

Примечание автора:

Заторможенный Цзяцзя совершенно не понял, когда Дун Гэ влюбился.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282446>